

КАФЕДРА ВОСТОКОВЕДА

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

© 2012

А.Д. ВОСКРЕСЕНСКИЙ¹

Анализ новых тенденций, связанных с регионализацией и макрорегионализацией современного мирового пространства в условиях глобализации, позволяет в дискуссионном ключе рассмотреть трансформации концепции регионализма и региональных комплексов, а также детально обосновать прикладное значение анализа мировой политической динамики с позиций регионального и макрорегионального уровней.

Ключевые слова: мировая политика, международные отношения, регион, региональная подсистема, макрорегион, регионализм, региональный комплекс.

1. ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ИЗМЕРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Из всего многообразия теоретических подходов к исследованиям международных отношений одним из наиболее продуктивных “макроподходов” при анализе региональных измерений является системный, который благодаря своей комплексности позволяет теоретически выделять региональный уровень и региональные подсистемы (собственно “региональные подсистемы” и “региональные комплексы”) в качестве самостоятельных аналитических объектов исследования. Этот подход позволяет решать наряду с теоретическими и вполне практические, прикладные задачи: вычленять и сравнивать ключевые макрорегионы мира и уже на региональном уровне анализировать, как модифицируются общие (глобальные) закономерности применительно к макрорегиональным и региональным географическим/историческим/историко-культурным/цивилизационным образованиям, региональным организациям разного типа, собственно, странам, трансграничным регионам, а также применительно к внутри-страновым регионам. Вычленение регионального уровня анализа как теоретической и практической проблемы одновременно позволяет более адекватно и корректно подойти к проблематике страновой специфики, так как ставит ее в контекст региональных (т.е. модифицированных применительно к конкретной группе связанных определенными общими основаниями объектов) закономерностей, а не интуитивных неформализованных историософских умозаключений страноведческого характера.

Вопросы о региональных и субрегиональных подсистемах, связанные с новейшими трендами современных международных отношений – глобализацией, регионализацией и фрагментацией, как и само понятие региона и в связи с этим конкретное региональное членение мира, являются предметом дискуссий. Однако результаты этих дискуссий имеют вполне прикладное значение – проблематика регионального уровня непосредственно связана с практикой международных отношений и дипломатии.

¹ При участии С.И. Лунева, Е.В. Колдуновой и Е.А. Пронина.

В условиях биполярного мира и взаимодействия двух центров и двух типов периферий подчиненный характер проблематики региональных и субрегиональных подсистем не вызывал сомнений, поскольку объяснялся логикой системного биполярного противостояния. После распада биполярной структуры отношений ситуация усложнилась и возникло много вопросов, на которые пока нет однозначного ответа: если биполярная система исчезла, а ей на смену пришел полицентричный мир, то корректно ли утверждать, что мир распался на относительно компактные территориально-экономические регионы и субрегионы, “соответствующие” тому или иному центру международной системы, т.е. географически, экономически, культурно-исторически “привязанные” к нему, а значит нет и не будет общих/глобальных закономерностей, а есть только сочетание регионального и субрегионального уровней взаимодействия? Если это не так, то мы можем говорить о принципиально новом качестве влияния региональных процессов на глобальный уровень отношений и новой реальности глобального управления? Возникают в этой связи и более частные вопросы: как методологически корректно определить границы между регионом (и региональной подсистемой) и субрегионами (субрегиональными подсистемами)? Совпадают ли границы макрорегионов и региональных подсистем? Каково соотношение между глобализацией и регионализацией?

Системный подход в сочетании с другими подходами дает исследователю богатый теоретический и методологический инструментарий для поиска адекватных ответов на эти вопросы. Этот подход стал достоянием науки о международных отношениях с середины 1950-х гг. Очевидно также, что многие из положений теории международных отношений, которые относятся к системному подходу, разрабатывались и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной системной совокупности отношений, находящейся в непрерывном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы “входов” и “выходов” в соответствии с базовыми идеями кибернетики [Парсонс, 1997; Истон, 2000]. Одновременно исследователи определили, что международные отношения имеют свою специфику, прежде всего по своему характеру они являются социальными отношениями, а значит, международные системы и подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых не следует вести по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в таких системах сложно провести четкую границу, а соответственно и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят условный характер. Подсистемы хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы, хотя часто эти границы меняются, накладываются друг на друга, носят условный характер. Это в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем. Они представляют собой не просто некоторые аналитические объекты, а конкретные, в реальности – очень сложные комплексные связи – между существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системно-пространственной организации.

Еще одна особенность международной системы отношений и составляющих ее региональных подсистем связана с тем, что их основные элементы представлены социальными общностями (включая отдельных индивидов). Они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Третья особенность связана с тем, что международные отношения являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых являются межгосударственные отношения. Даже при увеличении

количества акторов отношения между ними и государством в основном продолжают носить политический характер, а по степени влияния на стратегические вопросы государство все еще остается вне конкуренции по сравнению с другими акторами. Вопрос о трансформации суверенитета и о связанном с этим переносом акцента в международных отношениях с реалистических подходов (Realpolitik) только начал обсуждаться в рамках интеллектуальных дискуссий, а кооперативистские подходы в мире в целом все еще не стали преобладающими.

В общественных науках существуют разные подходы к международным отношениям как системе (в этом смысле мы и говорили о том, что системный подход как бы “вбирает” в себя основное содержание того, что по-разному может интерпретироваться в других подходах), из которых наиболее известными являются традиционно-исторический (международная система – это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период), историко-социологический (с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений), структурно-исторический (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях структуры), эмпирико-региональный или, в другой терминологии, социоестественный (определенные географические регионы, как системы (подсистемы) в рамках международных, экономических, политических и других отношений), структурно-дипломатический (система – это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые акторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической деятельности) и реалистический (различные модели баланса сил или баланса мощи, т.е. международной системы без политических подсистем, с двумя-пятью участниками, а также определенными правилами, по которым играют эти участники). Общим и/или наиболее важным во всех этих подходах является вычленение общей (глобальной) системы международных отношений, некоей самодостаточной системной целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще.

В 1990-е гг. теоретики международных отношений в полный голос заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы систем международных отношений и выделить региональный уровень международных отношений как самостоятельный уровень анализа. Связано это было с нарастанием тенденций к глобализации, с одной стороны, и регионализации и фрагментации – другой. Теоретики международных отношений заговорили о том, что ряд международных взаимодействий помимо взаимодействий глобального уровня обладает определенной автономией, нуждающейся в объяснении и концептуализации. Они обратили внимание на то, что существуют частные закономерности, связанные с определенной спецификой (прежде всего географической, территориально-экономической, цивилизационной, культурной, этнопсихологической, этноконфессиональной и т.д.) функционирования частей международной системы, т.е. подсистем международных отношений. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем – совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая, экономическая, культурно-цивилизационная, политическая (пространственная в широком смысле) принадлежность. При этом тенденции последних десятилетий позволяют утверждать, что:

- в настоящее время складывается принципиально новое качество влияния региональных процессов на глобальный уровень международных отношений;
- глобальная повестка дня переформируется и актуализируется по-разному в разных региональных подсистемах;
- региональные процессы (региональное понимание мировых процессов) могут выдаваться за глобальные или альтернативные глобальным;

– региональные процессы могут оказывать влияние или переформатировать глобальные;

– выстраиваются разные иерархии глобальных проблем и угроз в различных региональных подсистемах;

– различные элементы региональной подсистемы или разные комбинации акторов регионального уровня по-разному влияют на глобальный уровень: они могут поддерживать и усиливать глобальный порядок, способствовать его радикальному слому и ниспровержению или эволюционной трансформации в новое качество;

– относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) позволяет ставить вопрос о корректировке существующих теоретических подходов к международным отношениям, “достройке” общей теории с учетом регионального уровня или же (более радикальное предложение) построении “незападной” (корректнее – незападноцентричной) теории международных отношений в соответствии со спецификой крупнейших сегментов макрорегионального уровня (макрорегиональных комплексов);

– относительное обособление регионального уровня международных отношений (регионализация) “реабилитирует” категорию пространства в международном политико-экономическом анализе и приводит к образованию субдисциплинарных полей “на стыках” международных отношений/мировой политики и политологии (мировое/зарубежное сравнительное/комплексное регионоведение, сравнительный макрорегиональный политический анализ/кроссрегиональный политический анализ, региональная политология, политическая регионалистика, политическая география, геополитика), в которых категория пространства становится центральной, или играет стержневую роль;

– в последние десятилетия происходит трансформация глобальной системы международных отношений, в которой существенное, если не определяющее влияние играют процессы перераспределения регионального влияния и региональной мощи, новые конфигурации макрорегиональных союзов и блоков, которые в конечном счете определяют конфигурацию новых региональных порядков второй четверти XXI в.;

– сегодняшние дебаты по вопросам идейно-философских основ современного мирового порядка напрямую связаны с проблематикой регионального уровня (подъем новых мировых держав западного мира, подъем Азии, дискуссия о роли Запада и месте Востока, “реинтерпретации” основ западной цивилизации, последствиях перераспределения влияния между регионами мира, сущностном содержании проектов незападного мирового порядка или западной (западноцентричной) теории объяснения существующего порядка, путей его эволюционного развития, роли исламского, китайского факторов в мировой политике, роли стран БРИК и т.д.);

– неверный/неадекватный анализ мировых глобальных и региональных тенденций и проектов, приблизительное понимание алгоритма взаимодействия глобального и регионального уровней отношений, их взаимовлияний, неумение адекватно концептуализировать настроенную в соответствии с глобальными закономерностями, но удачно адаптированную к региональной специфике, конкурентную региональную модель модернизации и развития увеличивает цену внешнеполитической ошибки, ускоряет отставание стран и регионов, приводит к фрагментации части мирового пространства и образованию “неудавшихся”, “неуспевающих”, стагнирующих или автаркических государств и депрессивных регионов, причем выход из этого состояния через стратегию догоняющего развития становится все более и более затруднительным.

2. ПРОБЛЕМА “МНОГОСЛОЙНОСТИ” ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Современный мир в дискурсе международных исследований можно охарактеризовать как разноуровневую (“многоэтажную”) систему, состоящую из множества разновеликих акторов, взаимосвязей между ними и подсистем, организующих эти взаимосвязи, и одновременно как сложную систему, где взаимодействия элементов внутри структуры и вне ее со средой системы дифференцированы, функционально упорядочены, изменчивы и обладают пространственно-временным измерением.

Пространственное измерение современного мира как системы не входит в предметное поле классических теоретических исследований в области международных отношений и мировой политики, а если и входит, то не является для них структурообразующим. Поэтому получается парадокс: не являясь предметом изучения или не являясь структурообразующим понятием, пространственное измерение одновременно присуще любому международному исследованию в прикладном ракурсе в рамках предметного поля практически любой гуманитарной и социальной дисциплины. Соответственно этим взглядам существует достаточно распространенная радикальная точка зрения об “исчезновении пространства” в “плоском” глобальном мире и об “освобождении” человечества от пространственной дифференциации (теория А.А. Фридмана о “плоском мире” [Friedmann, 1922]). Более “умеренные” исследователи-международники критически относятся к такому радикальному тезису, но также подчеркивают, что дифференциация пространства, включающая в себя такие категории, как “географическое положение”, “географическая близость/удаленность”, утрачивает свое значение по мере усиления процесса глобализации. Эта точка зрения не лишена серьезных оснований, если подразумевать под “пространством” все еще достаточно ограниченную урбанизированную часть современного мира, называемую постиндустриальной или развитой, или же рассматривать эту часть и урбанизированные точки неурбанизированного пространства и ограничивать исследования. Если рассматривать постиндустриальную часть мира как материал для построения теорий и концепций, считая, что она является основной, то в этой умозрительной парадигме, “периферия” либо навсегда останется периферией в силу централизованного характера мировой системы, либо будет постепенно преобразована и войдет в состав урбанизированного мирового пространства.

Однако наряду с “плоской” современной частью мира по-прежнему существует и традиционная часть – “сферическая”, хотя благодаря глобализации “сферическая” часть мира достаточно быстро, но неравномерно “уплощается” и сокращается. Жизнь наполнена контрастами между “плоской” и “сферической” частями мира (городские макроагломерации Нью-Йорка, Лондона, Москвы, Токио, Нью-Дели, Мумбаи, Шанхай, Чунцина и их пригороды или/и места проживания племенных социальных организаций в Афганистане, Африке или Австралии и т.д.), и переход из одной части в другую сопряжен со сложностями. Переносясь на скоростном транспорте (самолет, “синкансен”/TGV/“сапсан”) со скоростью 300–900 км/ч в другую урбанизированную точку страны или мира, вы двигаетесь дальше с максимальной скоростью 5–90 км/ч, и это передвижение может быть ограничено и/или затруднено “географически”. Мобильный телефон и Интернет сокращают расстояние и “уплощают” мир, но пока не могут перенести индивида физически в любую точку мира, а применение этих технологий также может ограничиваться. То есть в реальной жизни эти два типа пространства (каждому из них соответствует и свой тип времени – линейное или циклическое) сосуществуют и накладываются друг на друга, создавая единое и одновременно структурно дифференцированное “многослойное” пространственно-временное поле международных отношений и мировой политики, хотя их соотношение и меняется не в пользу “сферического”. В то же время, казалось бы, локальные проблемы, характерные для “сферической” части мирового пространства, могут выходить на глобальный уровень,

хотя иногда весьма причудливым образом², создавая ложное представление о возможности окончательного “реванша” сферического мира. В частности, понятия обществ-конгломератов, “спянных” из “традиционных” (сферический мир) и “современных” (плоский мир), и “анклавного развития”³ основаны на идее сосуществования разных типов пространственно-временной организации.

Признавая существенные контрасты двух типов пространств, оптимисты делают предположение, что именно “плоский” мир является неизбежной перспективой развития мира “сферического”. Такая постановка вопроса означает трансформацию пространственности (сжатие/уплощение-растяжение пространства) как фактора международных отношений и ограничивает его анализ в рамках встроенных в систему глобальной мировой политики политико-экономических концепций регионализации и регионализма как прежде всего и по большей части – экономических процессов мирового хозяйствования (интеграция/региональная интеграция/регионализм/регионализация/трансрегионализм). Ряд теоретиков-скептиков, однако, сомневаются в необратимости процесса “сжатия-растяжения” пространства мира в плоскость, линию, точку и продолжают анализировать пространственные факторы в мировой политике как структурообразующие (теории центра/периферии, мир-систем, разнотипных цивилизаций). Именно структурное неравенство и функциональная дифференциация элементов мировой системы и взаимосвязей между ними, как считают представители второй точки зрения, являются залогом ее развития. Одновременно часть вполне “респектабельных” исследователей говорят о возможности концептуализации такой точки зрения вплоть до создания “незападной (точнее, незападноцентричной) теории международных отношений” [Non Western..., 2010], а также о построении комплексного понимания взаимосвязанного мира (концепция мироцелостности М.А. Чешкова⁴).

Теории регионального уровня воплощают “пробелы” в концепциях, основанных на превалировании “плоского мира”, а в некоторых, самых продвинутых из них, делается попытка представить “незападное” (незападноцентрическое) видение (видение не из центра мировой системы, “с другого регионального полюса”, с точки зрения логики другого регионального комплекса, или “синтетическое”, комплексное видение) всего мирового процесса. Соответственно представители этих взглядов считают, что в исследованиях можно абстрагироваться от сохраняющегося деления мира на “плоский” и “сферический”, акцентировать внимание только на одном или только на другом объекте, но можно и рассматривать проблему, в частности, с точки зрения путей трансформации одного и другого объекта в новое качество каждого из них, как проблему “сращивания” в специфические конгломераты либо “синтеза” в новое комплексное теоретическое видение. Такая постановка проблемы дает дополнительный импульс дискуссии о возможности построения “незападной теории международных отношений”, основанной, в частности, на идее разного типа влияния различных сегментов регионального уровня на глобальный и анализа этого процесса с прикладной точки зрения.

Дифференциация пространства, внешней составляющей которой является контраст разных частей мира, не была бы актуальной в научных дискуссиях, если бы не находила отражение в краткосрочных и долгосрочных политических процессах, которые необходимо анализировать практикам международных отношений – дипломатам

² Таджикистан, Руанда и Дарфур, Синьцзян, Тибет, Чечня, пиратство у берегов Сомали, проблемы Афганистана и Ирака, экологические проблемы Китая для его соседей, несменяемость политических режимов в Тунисе и Египте и т.д.

³ Концепции Н.А. Симонии, А.Д. Богатурова, посвященные вопросам международного сотрудничества в области перехода к информационному обществу, изменению роли дипломатии в связи с развитием ИКТ, преодоления информационного неравенства.

⁴ Основную интенцию построений М.А. Чешкова определяет стремление сформировать единое смысловое основание всего многообразия пониманий и определений глобализации в качестве условия правильного (научного) знания о глобальности [Чешков, 1999].

и политическим аналитикам. А таких практических задач становится все больше. К примеру: как оценивать подъем Китая, долгосрочность, характер и последствия этого подъема; каковыми будут институциональные последствия кризиса ЕС; как анализировать подъем Азии, роль “новых поднимающихся государств” и какими будут последствия этого процесса для международных отношений; каковы роль и перспективы стран БРИК, роль новых формальных и неформальных региональных образований и организаций, которых насчитывается уже не один десяток⁵. Как спрогнозировать роль и значение политической составляющей региональных процессов в экономике, роль и значение экономических импульсов для формирования наднациональной политической составляющей региональных процессов и др.?

Ясно, что категория времени-пространства не перестает влиять на международные и внутривнутриполитические явления и трансформирует общие глобальные тенденции в специфические (региональные и локальные), т.е. в практически востребованную проблематику, которой занимаются специалисты-практики по безопасности, дипломатии, экономике и политике. Дифференциация пространства является реальным феноменом, а значит, анализ пространственного измерения может иметь и имеет существенное значение для прикладных, в том числе прогностических исследований, которыми никто не собирается пренебрегать в реальной жизни.

Таким образом, глобализация, независимо от того, какое ей дается определение, идентифицируется через свойство пространственности, в частности и через процесс регионализации в случае международных отношений. Соответственно глобализация может восприниматься как вызов или угроза, потому что она интерпретируется как синоним однополярности и материализуется по-разному на локальном, региональном и глобальном уровнях. “Отторжение” глобализации происходит из-за недостаточно глубокого понимания этого процесса, неумения найти ее адекватную макрорегиональную форму, а также из-за того, что одна из региональных форм глобализации может выдаваться за ее единственную модель для подражания без учета региональной специфики. Кроме того, большинство считающихся глобальными проблем (глобальное потепление, транснациональная преступность, международный терроризм) имеют региональную (географическую) природу, неразрывно связаны с территориальной (пространственной) динамикой, т.е. имеют территориальную базу.

С региональным уровнем концептуализации, исследованием регионализации, ситуация на порядок сложнее из-за того, что регионализацию не обязательно можно понимать как противоположность глобализации. Регионализация может выступать и в форме противоположности глобализации, и усиливать фрагментацию мира как своеобразный инструмент управления глобализацией. Регионализация оказывается несколько более определенным понятием, чем глобализация, поскольку ее “основным различием” является понятие региона, одного из таксонов иерархичной дифференциации пространства, в то же время само понятие региона – многозначно и в международных отношениях может интерпретироваться по-разному.

“Глобализация может быть осмыслена как процесс (или совокупность процессов), который воплощает в себе трансформацию пространственной организации социальных отношений и взаимодействий, измеряемую с помощью таких показателей, как их

⁵ К примеру: ЕС, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и его подварианты (УНАСУР), Организация исламская Конференция (ОИК), Лига арабских государств (ЛАГ), Арабский социально-экономический совет (АСЭС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Объединенный совет стран Персидского залива, Союз арабских стран Магриба, Арабский совет экономического сотрудничества, АСЕАН, Региональный форум АСЕАН (АРФ), БИМСТЕК (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Мьянма, Таиланд), Форум диалога Индия–Бразилия–ЮАР, ЕврАзЭС, Восточно-азиатский саммит, Экономическое сотрудничество стран Тихоокеанского региона (АРЕС), Тихоокеанский экономический совет сотрудничества (РЕСС), Экономический совет тихоокеанских стран (РВЕС), Тихоокеанская торговля и сотрудничество (РАФТАД), Совет сотрудничества и защиты Азиатско-Тихоокеанского региона (РАФТАД), СНГ и др.

протяженность, интенсивность, скорость и взаимодействие, и порождающую межконтинентальные и межрегиональные потоки и структуры активности, взаимодействий и проявлений власти. Регионализацией можно назвать объединение государств или обществ, связанных между собой функционально или географически в единую группу, тогда как интернационализация относится к моделям взаимодействий и взаимосвязей между двумя или несколькими национальными государствами независимо от их географического положения” [Хелд, Гольдблатт, Макгрю, Перратон, 2004, с. 19].

Таким образом, можно определить глобализацию как возникновение новой системы мирового хозяйствования, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени свободы движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, телекоммуникационном сближении стран и регионов, появлении межнациональных социальных движений, интернационализации образования, что сопровождается стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуникационных потоков и выражается в параллельно идущих процессах регионализации. При таком понимании глобализации регионализация предстанет как объединение государств или обществ, связанных между собой функционально и/или географически.

Определение понятия регионализации требует представить понятие регионализма как взаимозависимости стран и выхода интересов национальных субъектов за их границы, но в национальных рамках либо (“экономизированное” определение) как формирование экономических сообществ близкорасположенных государств посредством торговых соглашений преференциального типа.

Классификации и типологии представляют собой “горизонтальные” и “вертикальные” способы дифференциации пространства/территории соответственно по количественным и качественным критериям. Классификации (как условно “горизонтальный” способ классификации территории) и типологии (как условно “вертикальный” способ) в международных исследованиях преимущественно связаны с дифференциацией государств – основных субъектов международно-политического процесса – по пространственно-географическому/цивилизационно-географическому признаку или какому-либо критерию⁶. Демократические государства с развитой рыночной экономической системой, новые индустриальные государства, сверхкрупные индустриальные государства с развивающимися или переходными экономиками, “неудавшиеся” государства (*failed states*), государства-изгой (*rogue states*) или же “вертикальные” группировки, принадлежащие к “первому”, “второму”, “третьему” миру/эшелону развития, могут быть рассмотрены с различным содержанием каждой из этих категорий. Границы между категориями в таких классификациях и типологиях достаточно размыты и иногда, несмотря на наличие количественных характеристик, субъективны, хотя типологии, например, могут иметь в своей основе применение математических методов для анализа качественных критериев (см., например: [Политический атлас..., 2007]). Как правило, в типологиях и классификациях наибольшее внимание уделяется географической/исторической близости или степени выраженности выбранного критерия в пределах существующих государственных границ. Среди очевидных примеров классификаций можно выделить дифференциацию государств (а также существующих внутри них политико-административных единиц) и международных регионов (по уровню экономического развития, к примеру, по ВВП на душу населения; в соответствии с уровнем политического развития, анализ которого основан на количественных и/или качественных характеристиках). Помимо типологий и классификаций государств можно выделить и типологии, связанные не только с основным критерием, но и с таксонированиями,

⁶ К примеру, политическому, политико-экономическому, экономическому и др.

основанными прежде всего на использовании таксона “регион” [Воскресенский, 2007, с. 29–37; Воскресенский, 2002, с. 139–143; *Доклад о мировом развитии*, 2009, с. 36; Гладкий, Чистобаев, 2003, с. 147–166]. Большое значение в международных отношениях приобрели и простейшие типологии, основанные на бинарных оппозициях – Запад/Восток [Воскресенский, 2007]; Север/Юг; а также на триадах (Центр/Полупериферия/Периферия) [Immanuel, 1974, p. 347–357].

3. МАКРОРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ И ПРАКТИКА МИРОПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Регионализация в ее современном виде является относительно новым феноменом. Не случайно до сих пор четко не разработаны критерии и параметры понятия “регион” и существует бесчисленное множество вариантов прикладной классификации регионального членения мира. Это касается как масштабов регионов, так и принадлежности конкретных стран к тому или иному географическому/политическому/цивилизационному региону.

Понятие “регион” достаточно многозначно. Во-первых, данный термин может относиться как к внутристрановому делению пространства (административно-юридическое понимание региона, частично синонимичное понятию “район”) [Дергачев, Вардомский, 2004, с. 10], так и к делению мирового пространства (внешнеполитическое или международно-политическое понимание региона) [Мир политической науки, 2004, с. 596; *Система, структура...*, 1984, с. 363]. Во-вторых, регион может определяться по группе признаков⁷ либо по базовой функции, которая является основной для того или иного исследования (географические, экономические, геополитические, социокультурные регионы) [Мир политической науки, 2004, с. 596; Дергачев, Вардомский, 2004, с. 11–12]. Следовательно, региональное деление как “средство отбора и изучения пространственных сочетаний сложных комплексов явлений” [Гладкий, Чистобаев, 2002, с. 22], как правило, будет зависеть от поставленных исследовательских задач и носить характер социального конструкта [Spindler, 2005, S. 100].

Как аналитический конструкт региональное деление мира обладает особенностями образной репрезентации: регион может представлять собой политико-географический образ определенной территории и тем самым демонстрировать характерные черты и закономерности ее развития⁸. В отечественной науке анализ специфики регионального уровня с точки зрения системного подхода выразился в идее международно-политического региона, который рассматривался как “относительно самостоятельная подсистема межгосударственных отношений, объединенных прежде всего общностью определенных, присущих именно данному региону политических проблем и соответствующих им отношений” [*Система, структура...*, 1984, с. 363]⁹. Это определение основано, в свою очередь, на определении политического регионализма как взаимоотношений географической группы смежных национальных государств, которые обладают рядом общих характерных черт, высоким уровнем взаимодействия и институализированной кооперацией, осуществляемой посредством формальной многосторонней структуры.

Попытки аналитически выделить отдельные региональные пространства/регионы/региональные подсистемы имели несколько оснований. Во-первых, представлялось очевидным, что анализ целого ряда международных процессов с точки зрения основной конфликтной оси биполярности не дает полного представления о них, а сами эти процессы либо генерируются отнюдь не взаимодействием сверхдержав, либо имеют

⁷ К примеру, ландшафтный регион, в выделении которого сочетаются несколько факторов: климатический, гидрографический, почвенный и т.д.

⁸ О структуре политико-географических образов (см.: [Замятин, 2004, с. 83–91]).

⁹ В этой связи расширительную трактовку международно-политического региона (см.: [Воскресенский, 2006, с. 7]).

к этому взаимодействию лишь опосредованное отношение. Во-вторых, анализ взаимосвязей в рамках того или иного региона позволял расширить рамки классического страноведения (area studies) и получить более широкие возможности для сравнительного анализа, в том числе межрегионального, уже в рамках международных отношений, мировой политики, мирового комплексного регионоведения/зарубежного регионоведения (global/world comprehensive regional studies), межрегионального политического анализа. В-третьих, анализ соотношения глобального, регионального и национально-локального уровней давал новые возможности для рассмотрения той или иной проблемы в рамках международной системы.

Регионализация подразумевает самую тесную политическую, экономическую и культурологическую взаимозависимость соседних стран. Под термином “регионализация” в литературе и жизни понимаются три различных по содержанию явления:

– возрождение/подъем региональных держав (неформализованное понимание регионализации в мировой политике);

– формирование региональных интеграционных группировок, в том числе и преференциального типа (классическое политико-экономическое определение регионализации);

– политическая основа, мотивы, импульсы и движущие силы регионализма и/или регионализации в первом и втором значении этого понятия (формирующееся направление в международной политэкономии, экономической политологии, зарубежном комплексном регионоведении).

Таким образом, понятия регионализма и регионализации могут выступать в качестве синонимов, подчеркивая взаимозависимость стран и выход ряда страновых проблем за рамки национальных государств, но на региональном уровне, а могут – в качестве разных, лишь частично совпадающих понятий (в частности, в экономической и международно-политической области). В этом случае международный регионализм (“макрорегионализм” или “миниглобализация”) выступает в качестве реализации национальных интересов на новом, более высоком, чем локальный или страновой уровень, но в региональных рамках.

В биполярный период региональные державы появлялись в первую очередь в тех районах, где существовала конфликтная взаимозависимость и крайне медленно происходила интеграция (Восточная Азия). Противоположная картина наблюдалась в регионах, где комплиментарная взаимозависимость значительно перевешивала конфликтную. Здесь начались активные интеграционные процессы (Европа), в основе которых лежали:

1) рост экономической взаимозависимости и сближение экономических интересов;

2) наличие общего внешнеполитического противника;

3) отсутствие явного доминирующего центра, либо наличие доминирующего “ядра”, состоявшего из двух-трех государств.

После краха социалистической системы противостояние двух региональных процессов стало не столь очевидным.

Таким образом, глобализация и регионализация являются взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга, но при этом они могут стать в определенной степени противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Процессы глобализации вызываются прежде всего неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций, и именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран. Действия же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам отдельных стран, не только экономическим, но и политическим, социальным, историческим, культурным и т.п. Промежуточным, а по-

тому весьма вероятным вариантом глобализации является стяжение “старых” регионов в макрорегиональные комплексы (макрорегионализация), начальным этапом которого является региональная интеграция, прежде всего экономическая, а потом и политическая (в разных формах, различного характера и в различной степени). Подобный процесс дает возможность различным странам:

- участвовать в глобализации в щадящем варианте, не испытывая давления со стороны всей мировой экономики;
- резко подтягивать менее развитые государства макрорегиона, предоставляя им преференции и инвестируя в их экономику;
- улучшать позиции бизнеса более развитых стран, получающего расширение географической зоны действий в льготном варианте;
- укреплять геополитические позиции, поскольку масштабы рынков становятся намного крупнее и интеграционная группировка способна гораздо лучше коллективно защищать своих членов от иностранной конкуренции.

По существу, с учетом теории регионального уровня можно считать, что макрорегиональный комплекс (а не отдельное государство по версии одного из классических и до сих пор наиболее влиятельных подходов в теории международных отношений – реализма) представляет собой прообраз одного из центров формирующейся полицентричной мировой системы. По данному пути уже пошли Европа, создав Европейский Союз, и частично США, создав группировку НАФТА. Такой же путь пытается нащупать Китай, формируя так называемый Большой Китай на основе массовой эмиграции и нового качества экономико-политической зависимости “периферийного пространства” от “новой метрополии”, пытаясь стать единственным государством-лидером в Восточной Азии. По всей видимости, в связи с мировой дискуссией о подъеме Восточной Азии будет правомерно говорить о формировании макрорегиона, или макрорегионального комплекса “Большая Восточная Азия” (Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия, Центральная и Южная Азия), прежде всего с экономической и культурно-цивилизационной точек зрения. В этом же ключе происходят дискуссии о “возрождении” СНГ, структурировании Центрально-Восточной Евразии и т.д.

Позитивными факторами, способствующими образованию макрорегионов, являются:

1) полная или частичная экономическая взаимодополняемость в макрорегионе, когда комплиментарная взаимозависимость в целом перевешивает конфликтную, т.е. если в регионе существует экономическая взаимозависимость и взаимодополняемость и происходит существенное сближение экономических интересов;

2) начало и развитие интеграционных экономических процессов, когда доля торгового оборота стран друг с другом приближается к половине общего торгового оборота. Все региональные организации (от формата “АСЕАН-плюс” до Восточноазиатского сообщества) ставят своей целью постепенное снижение тарифов во внутрирегиональной торговле и снятие ограничений на импорт – вплоть до образования зоны свободной торговли (НАФТА и ЕС давно сформировали единые рынки);

3) движение в сторону валютно-финансовой интеграции (у НАФТА в качестве таковой выступает мировая валюта – доллар), ЕС ввел единую региональную валюту – евро; обсуждался и вопрос о единой азиатской валюте на базе йены или юаня, но он не перешел в практическую плоскость как недостаточно созревший);

4) новые формы кооперации;

5) выступление крупных или крупнейших государств макрорегиона за расширение экономического сотрудничества в рамках макрорегиона (МЕРКОСУР, БРИК, ССАГПЗ, ШОС, АСЕАН-плюс и т.д.);

6) определенная культурно-цивилизационная близость стран региона и их отличие от других макрорегионов. Цивилизационное поле, на котором осуществляется социально-экономическое развитие в разных регионах, обширно – от индивидуализма, ос-

новы западного общества, до коллективизма, свойственного традиционному восточному обществу, с существованием огромного количества промежуточных вариантов;

7) теоретическое обоснование специфики развития государств макрорегиона как целого (у ЕС есть единая экономическая политика, общее понимание основ внутренней политики и формирование единой внешней и оборонной политики);

8) формирование региональной идентичности (европейцы ее давно сформировали, в других макрорегионах она находится на разных стадиях формирования).

(Продолжение в следующем номере)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- “Большая Восточная Азия”: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010.
Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002.
- Воскресенский А.Д. “Большая Восточная Азия”: мировая политика и энергетическая безопасность. М., 2006.
- Воскресенский А.Д. *Политические системы и модели демократии на Востоке.* М., 2007.
- Воскресенский А.Д. Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира // *Восток–Запад–Россия.* М., 2002.
- Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке как часть дискурса мирового комплексного регионоведения: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // *Политические системы и политические культуры Востока.* М., 2006.
- Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. *Регионоведение: учебник.* М., 2003.
- Дергачев В., Вардомский Л. *Регионоведение.* М., 2004.
- Доклад о мировом развитии – 2009. Новый взгляд на экономическую географию.* М., 2009.
- Истон Д. Категории системного анализа политики // *Политология: Хрестоматия.* Сост.: проф. М.А. Васильев, доц. М.С. Вершинин. М., 2000.
- Замятин Д. *Мета-география: пространство образов и образы пространства.* М., 2004.
- Колдунова Е.В. *Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы.* М., 2010.
- Кулматов К.Н., Митрофанова А.В. *Региональные аспекты международных отношений.* Учебник. М., 2010.
- Мир политической науки. Кн. I. Категории.* М., 2004.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств.* М., 2007.
- Система, структура и процесс развития международных отношений.* М., 1984.
- Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития.* М., 2010.
- Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д. *Глобальные трансформации.* М., 2004.
- Чешков М.А. Очерки теории и методологии мироцелостности. М., 1999.
- Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security.* Cambridge University Press, 2003.
- Friedmann A. *Über die Krümmung des Raumes.* Z. Phys. 10 (1922), S. 377–386.
- Immanuel W. *The Modern World System.* Vol. 1. NY., 1974.
- Non-Western International Relations Theory // *Ed. by A. Acharya, B. Buzan.* NY., 2010.
- Spindler M. *Regionalismus im Wandel. Die neue Logik der Region in einer globalen Ökonomie.* Wiesbaden, 2005.
- Voskressenski A. Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re]construction of International Relations and Regional Integration in Eastern Eurasia // *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds / Ed. by IEADA Osamu and UYAMA Tomohiko.* Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006.